

Цветова Н.С, д.ф.н., профессор
Tsvetova N.S., d.ph.s., professor
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
cvetova@mail.ru

**РЕЧЕВОЙ КОД МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: НА МАТЕРИАЛЕ
ПЕРИОДИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
A VERBAL CODE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: ON MATERIAL OF
THE PERIODIKAL PRESS OF SAINT-PETERSBURG**

Аннотация: в статье вводится понятие речевого кода, базирующееся на семантике базовой номинативной единицы. Основой формирования такого кода признается национальный риторический идеал, предопределяющий основные принципы и правила коммуникации, принятые тем или иным этносом в качестве ключевых. Как наиболее эффективное средство межкультурной коммуникации в полиэтническом мегаполисе рассматривается мононациональное печатное издание.

Abstract: the concept of a verbal code based on the semantics of a basic nominative unit is introduced. According to the authors' view, formation of such a code is based on a national rhetorical ideal, which determines the basic principles and rules of communication, accepted by an ethnicity as key rules. In the article a mononational print edition is considered as the most effective tool of bringing intercultural communication into a multi-ethnic metropolis.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, речевой код, национальный риторический идеал, моноэтническое издание, речевой облик.

Keywords: intercultural communication, verbal code, national rhetorical ideal, monoethnic print edition, verbal appearance (image).

Актуальность вопросов, связанных с проблемой публичной межкультурной коммуникации, обусловлена целым рядом объективных обстоятельств, главным из которых является очевидный рост напряженности в обозначенном тематическом поле. Приведем только один пример. Я представляю факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, живу в городе, который специалисты называют «российской лабораторией национальной адаптации», в городе исторически, генетически многонациональном, но, по свидетельству современных российских СМИ, и у нас с течением времени межэтнические отношения все с большей очевидностью входят в стадию обострения. Одна из главных причин сегодняшней почти критической ситуации – темпы миграционных процессов, которые, казалось бы, заданы вполне объективными потребностями городской экономики. Администрация мегаполиса, политики убеждают коренных жителей в том, что городское хозяйство задохнется без дополнительных рабочих рук, в частности, без неквалифицированной рабочей силы, обеспечивающей функционирование системы жилищно-коммунального хозяйства (статистика утверждает, что 44 процента петербургских мигрантов обслуживают именно этот экономический сектор). В результате, например, в Кировском районе, одном из ключевых, центральных районов Санкт-Петербурга, в начальной школе в прошлом учебном году 40 процентов учебных мест занимали дети трудовых мигрантов преимущественно из Средней Азии.

«Пятый канал» санкт-петербургского телевидения в январе 2012 и в мае 2013 года провел анкетирование своей аудитории. Дважды перед зрителями был поставлен один единственный вопрос: «Многонациональный Петербург – это его плюс?». Так вот, в начале 2012 года 18 процентов респондентов, дозвонившихся в телестудию, ответили на этот вопрос положительно, к 23 мая 2013 года количество оптимистов сократилось до 6 процентов.

Городское правительство для снятия напряженности предлагает культурно-адаптационные и образовательные мероприятия, адресованные мигрантам и их детям,

город давно (одним из первых в Российской Федерации) реализует программу толерантности. Но при этом, как это ни странно практически не обсуждаются профессионалами вопросы межкультурной коммуникации, по Тер-Минасовой, предполагающей «адекватное взаимодействие двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Тер-Минасова 2000: 14].

На наш взгляд, научным основанием для размышлений над речевым аспектом этой проблемы должна стать идея существования национально- специфических языковых картин мира, которая зародилась в немецкой филологии в конце XVIII в. (Михаэлис, Гердер, Гумбольдт и др.) и очень активно развивается в течение двух последних десятилетий крупнейшими российскими филологами.

Трудности процесса межкультурной коммуникации, с нашей точки зрения, заключаются в создании эффективной системы каналов, речевых стратегий, тактик и средств передачи кодаментально-значимой информации (в терминологии В.В. Красных, культурного кода нации).

Есть специалисты, которые считают, что преодоление этих трудностей связано с укоренением в массовом сознании национального коммуникативного идеала. Причем, коммуникативный идеал понимается в нарушение принципов классической риторики как «стереотипный, логико-эмоционально-психологический, аксиологический (разрядка наша – Н.Ц.) образ идеального собеседника, представленный в языковом сознании народа. Это совокупность признаков собеседника, которые люди, принадлежащие к определенной речевой культуре, рассматривают как желательные, понятные, обеспечивающие положительное отношение к собеседнику, желание вступить с ним в контакт, поддерживать с ним коммуникативные отношения» [Вовк 2011: 157].

В славянской коммуникативной стилистике и лингвопрагматике в последнее время актуализируется понятие *национальный коммуникативный стиль или коммуникативный этностиль* (предмет коммуникативной этностилистики, центральное ее понятие) – «предлагаемая в рамках литературного языка модель успешной социальной коммуникации, регламентируемая набором эталонных черт (норм стиля), в заданной (социально значимой) сфере общения» [Клушина 2012: 21]. Ядро этностыля – национальные культурные средства коммуникации. Основным фактором, формирующим национальный коммуникативный стиль, считается стилевая идея – привычки народа, влияющие на выбор коммуникативных стратегий и средств коммуникации.

С нашей точки зрения, ни одно из предлагаемых инструментальных понятий (коммуникативный идеал, национальный стиль) не может стать определяющим при решении поставленной проблемы. Первое понятие факультативно, ибо игнорирует всю сложность коммуникативного процесса, на который влияют не только адресат, но и адресант, и содержание сообщения. Второе понятие находится за пределами русской лингвостилистической традиции, описывающей стиль как одно из ключевых явлений национального коммуникативного пространства, связанное с функционированием литературного языка (кодифицированного).

Используемый нами термин «речевой код», дефиниция которого базируется на семантике базовой номинативной единицы. Код – «система условных обозначений или сигналов для передачи (по каналу связи), обработки и хранения различной информации», - утверждает «Современный толковый словарь русского языка» [Современный толковый... 2006: 275]. Речевой код – исторически сложившаяся и конвенционально обусловленная система лингвистических и паралингвистических знаков и правил, релевантных при трансляции и восприятии «ключевых идей» (А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев) языковой картины мира.

Основные элементы этой системы:

- национальный риторический идеал, предопределяющий основные принципы и особенности коммуникации (например, эффективность прощальной речи Б. Ельцина

определяется, в первую очередь, соответствием такому требованию национального риторического идеала, как положительная онтологичность);

- система топосов, транслирующих ключевые психо-ментальные характеристики этноса (дом, семья, жизнь, смерть и т.п.);
- речевые средства, используемые для характеристики хронотопа (так, время в русской языковой картине мира характеризуется через антропоморфные метафоры, воспринимается как быстротекущее);
- речевые средства, используемые для трансляции национальной аксиологии;
- речевые средства, выражающие национальную специфику образной системы (например, зооморфные метафоры, например, Ч. Айтматов писал, что в киргизском языке признаки *резвость, быстрота, выносливость* передаются через значения *конь, олень, верблюд*);
- система прецедентных феноменов, презентующих, национальную культуру в синхронии и диахронии;
- речевой этикет, связанный с мирозерцанием народа (общеизвестный, хрестоматийный пример: греки, для которых жизнь в силу особого благоволения к ним щедрой природы была наслаждением, при прощании призывали: *«Радуйся!»*. Более трезвые и практичные римляне, почитавшие культ тела, в таких случаях желали здоровья: *«Будь здоров!»*. Русские, чьи идеалы традиционно были направлены к Божественной правде, говорили и все еще говорят: *«Прощай, прости!»*); к этикетным же характеристикам устной формы речи можно отнести ее просодические особенности (громкость, темп, интонация, высота голоса, тембр);
- паравербальные коммуникативные средства – в устной форме коммуникации – жест, мимика, телодвижения; в письменной – средства креолизации текста. Тут хотелось бы отметить, что элементы именно этого уровня вызывают, наверное, самую болезненную реакцию адресанта-инофона (например, одна из главных бытовых конфликтных проблем межкультурного сосуществования в современном Санкт-Петербурге – плевки на мостовой, которые, как пытаются объяснить нам культурологи, как жест не являются проявлением маргинальной культуры в Средней Азии, или некоторые жесты, выражающие состояние самодовольства).

Речевой код, которым пользуется человек для осуществления коммуникации, – результат влияния культурной среды, редуцируется главным образом под влиянием социально-исторических характеристик коммуникативной ситуации.

Факторы, его определяющие:

- территориальный (например, петербуржцы при общении в большей степени, чем москвичи, зависят от речевого этикета, значительно реже используют образный потенциал языка);
- социальный, прежде всего проявляющийся при индексации индивидуальных и общественных приоритетов и ценностей;
- возрастной;
- культурно-исторический;
- конфессиональный;
- тип коммуникации (устный или письменный);
- дискурсная принадлежность коммуникативного пространства (личный, официальный, медийный дискурсы).

Среди этих факторов особое место занимает национально-культурная принадлежность коммуникантов, т.к. этот фактор оказывает влияние практически на все выявленные нами компоненты национального речевого кода.

Влияние национального речевого кода на алгоритмы межкультурной коммуникации, на наш взгляд, с особой наглядностью проявляется в массмедийном пространстве, в том его сегменте, который представляет диалог разных национальных культур. Ведь сегодня именно СМИ являются одним из основных средств формирования языковой картины

мира, образа окружающей человека реальности, в поликультурном социуме – основным средством публичной, организованной межкультурной коммуникации, обусловленной, на наш взгляд, в первую очередь, кодами культурными, описанными в свое время В.В. Красных [Красных 2002], в системе которых, как нам кажется, в условиях межкультурной коммуникации доминирующее положение как технологически определяющие занимают коды речевые.

Мы проанализировали несколько печатных изданий, выходящих в Санкт-Петербурге сегодня, призванных обеспечить межнациональную коммуникацию, создать в инокультурном пространстве речевой код межкультурной коммуникации.

Должны заметить, что печатные СМИ, адресованные массовому читателю к этой группе периодических изданий не относятся, ибо не ставят перед собой проблем организации межкультурной коммуникации. Они затрагивают тему существования в нашем городе представителей иных национальных культур только в случае обнаружения сенсационно-скандальных проблем, способных привлечь читательское внимание к газете. Так, газета «Метро» вынесла на первую страницу анонс: *«В городе расцветает мухаббат»* (2013, 21 мая). Мухаббат - *«любовь по-узбекски»*, которая активно пусть и с использованием ограниченного набора пиар-инструментов пропагандируется в последнее время в нашем городе, но, судя по результатам социологического опроса, опубликованного в том же номере, к коренным жителям мегаполиса не имеющая никакого отношения, ибо большинство из них в ответ на просьбу журналиста прояснить значение этого таинственного слова предположили, что «мухаббат» – это *«прыгающие мухи»*, или *«химия»*, или *«жестокый религиозный обряд»*.

Можно привести и иные аналогичные примеры, которые свидетельствуют о том, что массовые издания не видят необходимости в организации межкультурного диалога. Полиэтнические СМИ, призванные организовать публичный городской межкультурный диалог на официальном уровне, оплачиваются Комитетом по внешним связям городского правительства: газета «Караван» и журналы «Диалог цивилизаций», «Петербург национальный». Но эти издания нельзя назвать популярными. Одна из причин – использование неадаптированного русского речевого кода, причем, реализуемого с применением речевых характеристик официально-делового общения.

Именно по этим причинам мы обратились к изданиям национальным. В Петербурге моноэтнических газет и журналов, на традиционных носителях и в Интернет-формате довольно много: еврейские, азербайджанские, татарские, армянские, польские, эстонские, немецкие, финские. С нашей точки зрения, сверхзадачей данного типа изданий должно была стать генеральная интенция формирования такого национально-лингвокультурного сообщества, коллективное когнитивное пространство которого становится пространством межкультурного диалога. При адекватной речевой репрезентации этой задачи мононациональное издание превращается в серьезный культурно-образовательный инструмент.

В качестве эмпирической базы исследования нами были выбраны номера двуязычной газеты армянской диаспоры в Санкт-Петербурге за 2013 год. Газета «Веруем» издается армянской апостольской церковью. Почему именно на этом издании мы остановили свой выбор в первую очередь? Во-первых, оно является одним из старейших – ему уже 20 лет. Во-вторых, газета «Веруем» объявила себя прямой преемницей первой армянской газеты, выходившей в Мадрасе. Как утверждает в одной из редакционных статей, это *«Флагман армянских газет диаспоры»*. Кроме того, газета имеет один из самых больших тиражей (500 экземпляров). Идеальные полиграфические качества. Распространяется не бесплатно, но продается. Причем, цена одного номера – 15 рублей, т. е. выше средней по городу. Смешанный авторский коллектив. Кроме того, чрезвычайно важной особенностью национальной диаспоры, одной из старейших в городе, демонстрирующей широкий спектр включенности в городскую социальную и культурную жизнь и историю, является творческое, основанное на безукоризненном его знании отношении к русскому языку.

Редакционная политика любого СМИ определяется его сверхзадачей, которая, как правило, осознается и очень часто декларируется. Нам повезло, т.к. поиск такого рода деклараций был предельно облегчен наличием юбилейного номера, посвященный 20-летию издания.

В юбилейных материалах сверхзадача издания определялась следующим образом:

- «*популяризация духовных и культурных ценностей армянского народа*» (Павел Балаян, Ереванский государственный университет);
- пропаганда «*духовных ценностей*», сохранение «*национальной культуры и языка*» (А. Чилингарян, представитель Национального собрания Армении);
- «*воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма и любви к исторической Родине – Армении*» (Президент благотворительного фонда);
- формирование «*приоритетов взаимопонимания и культурного взаимодействия двух наших народов*» (директор музея Дружбы армянского и русского народов).

А теперь внимание! «*Миссия евангельской проповеди на языке двух великих православных культур – русской и армянской*», признание необходимости «*радовать не только армянских христиан, проживающих на берегах Невы, напоминая им об их солнечной Родине, но и всех, кто ... интересуется верой, церковью и евангелием Христовым*» (Владимир, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский).

Как резюмирующее можно привести фрагмент эпидейктического высказывания одного из читателей, уверенного в том, что его любимая газета призвана «*информировать, поддерживать, освещать, воспитывать, образовывать*». И та же идея выражена в метафоре председателя Союза писателей Армении Левона Ананяна: «*Ваша газета – это паром, соединяющий берега армянской и русской истории и культуры*».

С привлечением каких элементов речевого кода межкультурной коммуникации реализуется столь масштабный и идеальный по сути комплекс задач?

Первое, на что обращаешь внимание, это легко выявляемые цепочки ключевых слов, репрезентирующих доминирующие в совокупном газетном тексте семантические поля. Если мы анализируем публикации, находящиеся за пределами официального дискурса (информация о встречах официальных лиц, событиях государственного или общекультурного масштаба), то эта цепочка представлена большей частью либо словами, номинирующими *априорные категории* (И. Кант), *иррациональный опыт* (Фр. Шеллинг), *архетипы коллективного бессознательного* (Г. Юнг), либо топическими номинациями: *Вера – Бог – любовь к Родине – очаг – род – бескорыстие – любовь – прошлое – душевное смятение – беженство – отмищение*.

Нельзя говорить о том, что всем компонентам выявленной лексической цепочки легко найдутся соответствия в сознании, аксиологической системе русского человека, как, например, в следующих случаях: *очаг – дом, род – семья*.

Очевидно, что в этой цепочке есть компоненты сугубо национальные, обусловленные исторической трагедией армянского народа – резней в Сумгаите (1980). Так, поэт Гр. Мосесов в «Реквиеме» признается: *Отнявшим могилы предков / Простить никогда не смогу* (№2, с. 8).

Интересно, что это признание, странное для православного человека, но вполне понятное кавказским народам, мотивируется мнением европейского авторитета Гете: «*Каждая земная вина отмищается!*».

Особенно активно эксплуатируются знаки и символы, связанные с конфессиональными характеристиками коммуникативной среды, участников коммуникативного процесса и с общим советским прошлым (возможно, это связано отчасти с возрастом авторов анализируемого издания).

В качестве особых контактоустанавливающих средств в полном соответствии с типом издания активно используется апелляция к общим религиозным переживаниям (в названиях статей, предлагающих интерпретации наиболее значимых библейских сюжетов, в комментариях к константным явлениям православной культуры), вынесенные в заголовки исторических материалов имена реальных персон, названия исторических

событий, представляющих общее армяно-российское прошлое, имена известных в современном Санкт-Петербурге ученых, художников, артистов, архитекторов армянского происхождения.

Контактоустанавливающую функцию выполняют и разного типа прецедентные феномены: крылатые фразы из Священного Писания, названия известных советских кинофильмов, высказывания главным образом советских киногероев и медиаперсон. Так, в статье Евг. Мироненко о вечере, посвященном поэту, художнику и известному спортсмену С. Торозову называется «*И это все о нем...*» (2013, №3, с. 10). Иногда прецедентные имена «запараллелены». Так, статья об известном киноактере С. Саркисяне называется «*С Андреем Тарковским*» (2013, №10, с.6), статья «*Армянский круг Высоцкого*» посвящена его мачехе, бакинской армянке, и другу-актеру Леониду Енгибарову (2013, №2, с. 11). Или наоборот: интервью известного российского киноактера В. Татосова называется «*Владимир Татосов на земле предков*» (там же. с.8). Юбилейная статья, посвященная доценту Военно-медицинской академии Б.А. Григорян, называется «*Я горжусь своими учителями!*». Герои этой статьи – ленинградские учителя известной исследовательницы и замечательного доктора (2013, №2, с. 10). Публикация о творческих взаимоотношениях российского певца Иосифа Кобзона и армянского композитора Арно Бабаджаняна (2-13, №11, с.6) озаглавлена так: «*В Армении всегда рады Иосифу Кобзону*». Чрезвычайно интересным представляется система средств, репрезентующих время, историческое, либо вечное. В первом случае его отсчет ведется примерно с XIY века, во втором оно начинается «*до миссии Христа*». Доминирование этого времени накладывает отпечаток даже на блок новостных публикаций, которые посвящены событиям, свидетельствующим о развивающихся дружественных отношениях двух народов, об их стремлении к взаимопомощи. Например, губернатор Краснодарского края А. Ткачев, обращаясь со словами благодарности к армянскому народу за помощь пострадавшим крымчанам и жителям Новомихайловского, говорит: «*Вы доказали, что сострадание, самопожертвование в крови НАШЕГО народа. И никто, никогда не останется один на один со своей бедой, пока мы вместе, пока мы рядом!*» (Ткачев А.Н. Благодарственное письмо Главеепархии / Веруем. – 2012, №12, с. 1).

Не менее значительны характеристики пространства – культурного и природного. Принципиально важно, что время, и пространство изображается как генетически общее для двух культур, что проявляется в предметных характеристиках хронотопа. Например, в публикации, посвященной *истории армянской государственности и армянской мифологии* (2012, №10, с. 12), описывается схватка армянского народа с чужеземным войском, предводителем которого был *языческий* жрец Бэл. Но в статье, как принято в этом издании, приводится и *библейское* имя этого персонажа – Нимврод.

Еще интереснее обстоит дело с «географическими» привязками описываемых объектов и субъектов. В географии Санкт-Петербурга, представленной на страницах этого издания, доминируют – памятники архитектуры, медицинский институт, Академия художеств – те географические объекты, которые могут свидетельствовать о вкладе армянской диаспоры в культуру и науку нашего города, в сохранение исторического наследия, значительно реже – в социально-политическую жизнь.

Крайне осторожно, профессионально ответственно редакционный коллектив работает с потенциальными конфликтными элементами совокупного газетного текста, например, с лексемами-варваризмами (*хачкар, Гутан, амроц, католикос*), номинирующими явления и объекты армянской национальной культуры, или с «опасными» темами. К числу таких тем относится, например, тема, затронутая в открытом письме председателя совета Санкт-Петербургской региональной армянской национально-культурной автономии главному редактору московской газеты «Завтра», известному российскому прозаику Александру Проханову. Тема болезненная, поэтому основным средством нейтрализации возможных последствий ее актуализации избираются сложнейшие этикетные формулы, работающие как средства выражения уважительного отношения к адресату, и риторические приемы уловки, вполне соответствующие русскому риторическому идеалу, например, уловка

«подкуп адресата». Сильная позиция начала в потенциально опасном тексте заполняется следующим образом - *Уже много лет я являюсь свидетелем Вашей интеллектуальной борьбы, титанического напряжения личности человека, живущего одной судьбой со своим народом. Исполненный уважения и сочувствия к тому, что Вы делаете о осуществляете, без преувеличения считаю Вас одним из немногих самобытных русских мыслителей нашего времени...* - (2013, №3, с.9).

И, наконец, обязательно надо отметить уровень речевой компетенции авторского коллектива. Во много раз цитируемых в этой статье поздравительных текстах есть такая похвала в адрес анализируемого издания – *«грамотная, чистая, лелеющая сердце армянская речь»*. Уровень речевой компетенции русскоязычных авторов также выше всех похвал. Генетическая принадлежность их к другой культуре едва заметно проступает только в системе изобразительно-выразительных средств. Например, в частотности определенных эпитетов, или в использовании некоторых устаревших этикетных формульных обращений.

Если суммировать все наши наблюдения, то можно сделать вывод о том, что эффективная межкультурная коммуникация в медийном пространстве не ограничивается эмпирическим, утилитарным языком, который выражает только экономические, политические и обеспечивающие физическое выживание инофона социальные реалии. Эффективная межкультурная коммуникация обусловлена в значительной степени характером текстовой репрезентации национальных речевых кодов коммуницирующих субъектов. И результат определяется отнюдь не стремлением к переходу на чужой речевой код, но созданием на основе национального интеркода, соответствующего нескольким требованиям:

- уважения к чужой культуре (речевой в том числе), к чужой системе ценностей;
- знания современного состояния принимающей культуры, истории ее становления;
- понимания исторически сложившегося характера культурного взаимодействия.

Нам представляется, что издание, которое оказалось в центре нашего внимания, соответствует этим принципам, в первую очередь, в силу приятия главной идеи кириллической цивилизации – привлечение других народов своей культурой. Интенциональность дискурса, формируемого изданиями такого типа – воздействующая: ориентационная, стимуляционная и культурно-корреляционная. Соответствие речевой формы данного типа изданий такой сложнейшей интенциональности оказывается возможным только при условии высочайшей профессиональной и речевой компетенции журналиста, обслуживающего дискурс.

Список литературы:

1. Вовк Е.В. Национальный коммуникативный идеал как компонент языковой картины мира / Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2011. - № 130. - С. 154 - 157.
2. Клушина Н.И. Русский национальный стиль и его реализация в современных СМИ // Стилистика. Т. 21. – Польша: Ополе, 2012. - С. 19 - 35.
3. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТДК «Гнозис», 2002.
4. Современный толковый словарь русского языка / Автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб, 2006.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.